

УДК 821.161.1

DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-3-509-518

Репрезентация категории художественного времени в трилогии Е. С. Логиновой «Последняя четверть»

И. А. Усанова

*Сургутский государственный педагогический университет,
г. Сургут, Российская Федерация,
flos-costus@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Категория художественного времени играет существенную роль в формировании содержания текста. Она является организационным центром, структурирующим литературный текст и составляющим его самобытность. Статья представляет собой опыт характеристики системы темпоральных категорий романа Е. С. Логиновой «Последняя четверть».

Цель: выявить специфические особенности художественного времени в романе, состав, семантику и функции его элементов, соотношение различных темпоральных моделей, представленных в тексте.

Материалы исследования: трилогия Е. С. Логиновой «Последняя четверть».

Результаты и научная новизна. В статье проанализированы темпоральные категории романа «Последняя четверть»: прошлое, настоящее и будущее, весна, ночь, Новый год и др. Также прокомментировано функционирование в тексте линейной, нелинейной и циклической моделей времени. Сделан вывод о том, что категория времени в романе Е. С. Логиновой «Последняя четверть» репрезентирована многокомпонентной системой устойчивых ассоциаций, закреплённых за темпоральными единицами календарного, суточного, социально-исторического, бытового типов. Каждая из моделей времени выполняет свою художественную задачу в тексте: структурирование событийного ряда, построение ключевых сюжетных линий, мотивировка поступков персонажей и раскрытие их внутреннего мира, создание образа эпохи, вынесенной в заглавие произведения. Анализ категории художественного времени становится ключом к постижению авторской картины мира.

Научная новизна представленного материала обусловлена тем, что обстоятельный анализ категории художественного времени в романе Е. С. Логиновой предпринят впервые.

Ключевые слова: Е. С. Логинова, «Последняя четверть», хронотоп, художественное время, югорский текст, литература Югры, регионалистика

Для цитирования: Усанова И. А. Репрезентация категории художественного времени в трилогии Е. С. Логиновой «Последняя четверть» // Вестник урведования. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 509–518.

Representation of the category of artistic time in the trilogy by E. S. Loginova “The Last Quarter”

I. A. Usanova

*Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russian Federation,
flos-costus@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the category of artistic time plays a significant role in formation of text content. It is the organizational center structuring a literary text and constituting its originality. The article is an experience of characterization of the system of temporal categories of the novel by E. S. Loginova “The Last Quarter”.

Objective: to identify the specific features of the artistic time in the novel, composition, semantics and functions of its elements, the ratio of various temporal models of the text.

Research materials: the trilogy by E. S. Loginova “The Last Quarter”.

Results and novelty of the research: the article analyzes various temporal categories of the novel “The Last Quarter”: the past, the present and the future, spring, night, New Year, etc. The functioning of linear, non-linear and cyclic models of time is also commented in the text. It is concluded that the category of time in the novel by E. S. Loginova “The Last Quarter” is represented by a multi-component system of stable associations assigned to temporal units of calendar, daily, socio-historical, and household types. Each of the models of time performs its own artistic task in the text: structurization of the series of events, construction of the key storylines, motivation of the actions of characters, disclosure of their inner world, creation of the image of the epoch included in the title of the work. Analysis of the category of artistic time becomes the key to understanding the author’s picture of the world.

The scientific novelty of the presented material is due to the fact that for the first time the detailed analysis of the artistic time of the novel by E. S. Loginova is conducted.

Key words: E. S. Loginova, “The Last Quarter”, chronotope, literary time, Yugra text, literature of Yugra, regional studies

For citation: Usanova I.A. Representation of the category of artistic time in the trilogy by E. S. Loginova “The Last Quarter” // *Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies*. 2023; 13 (3/54): 509–518.

Введение

Романная трилогия Е. С. Логиновой «Последняя четверть» изображает судьбы югорских журналисток Риты Васильевой и Насти Яновской и их коллег, работавших в печатных и радио-редакциях в 1970–1990-е гг. Вынося в заглавие своего масштабного повествования темпоральную категорию, автор целенаправленно подчёркивает особую значимость художественного времени в романе. Исторические события как регионального, так и общероссийского масштаба даны в тексте через призму восприятия ключевых героев произведения, вплетены в их быт и бытие. Они являются не просто фоном, оттеняющим становление человеческих характеров, но столь же важны для понимания художественной картины мира, воплощенной в тексте.

Екатерина Степановна Логинова (1949–2022) – прозаик, публицист, журналист, очеркист [8]. Её романная трилогия «Последняя четверть» ранее не привлекала внимания исследователей¹. Роман основан на реальных событиях, происшедших в Югре в 1970–90-х гг.

Категория художественного времени играет существенную роль в формировании содержания текста. Она является организационным центром, структурирующим литературный текст и составляющим его целостность и самобытность. Д. С. Лихачёв назвал литературу главнейшим искусством времени, а само время – её объектом, субъектом и орудием изображения [4, 209]. А. Н. Семёнов отмечает, что «художественному времени свойственно подчиняться художественным задачам, философскому пониманию мира писателем» [9, 113].

Категория времени в региональном литературном тексте и различные темпоральные единицы, её составляющие, уже привлекали внимание исследователей. Так, например, модусы прошлого, настоящего и будущего в трактовке югорских авторов проанализированы Д. В. Ларковичем [3]. Особенности комментирования исторического контекста в региональных произведениях литературы, темпоральная оппозиция «раньше – сейчас» были рассмотрены в работе С. В. Галян, Д. В. Ларковича и Т. А. Сироткиной [2]. Осмысление категории времени в произведениях

обско-угорской литературы представлено в статье А. Н. Семёнова [9].

Формы бытования различных темпоральных категорий в художественном тексте стали предметом исследования и в европейском литературоведении. Так, роль и значение художественного времени проанализированы в работах Р. Гейла [12], Г. Мейергофа [14], Л. Оуклендера [15], П. Рикера [16], М. Холквиста [13].

Материалы и методы

Материалом исследования послужила романная трилогия Е. С. Логиновой «Последняя четверть» (2006, 2015, 2022).

Методами исследования являются культурно-исторический и структурно-семантический виды анализа.

Результаты

В романе «Последняя четверть» время является объектом изображения, предметом осмысления и автора, и его героев. Все они чувствуют власть времени, его силу и могущество, подчиняющие себе человеческие судьбы, порывы, стремления. Нередко раздумья о времени приобретают на страницах этого текста афористическую форму: «Время подчас можно представить в виде гигантской губки, ровно впитывающей в себя что горе одного человека, что общую беду» [6, 266].

Художественное время в трилогии Е. С. Логиновой дискретно, точно зафиксировано как в авторском повествовании, так и в речи и сознании персонажей. Автор использует широкую палитру прямых индикаторов объективного времени – лексических единиц с темпоральной семантикой. На страницах романа отсчитываются и учитываются разные временные отрезки, как крупные – годы, десятилетия, века; средние – дни, месяцы; так и мелкие – часы, минуты, секунды.

Специфика работы героев романа – журналистов, буровиков, строителей – диктует их отношение к времени как к большой ценности. Время показано в романе насыщенным, концентрированным, напряжённым. Зачастую герои живут в условиях цейтнота, берегут время, стремятся

¹ В схеме не обозначены случаи, когда количество исключений не более трёх.

успеть максимально много за отведённые им часы, дни, годы.

В деятельности работников радио и телевидения подчёркивается их «сверхоперативность»: «Время вещания существенно увеличилось. И этот факт усугублял напряжённость рабочего дня всех сотрудников. Жизнь, как огненный шар, накалялась, иногда доходя до точки кипения» [6, 42].

Не менее внимательно и осознанно воспринимают время нефтяники. Творчески относясь к своей работе, они стремятся сократить простой, увеличить объёмы добычи «чёрного золота». Экономии времени эти люди делают не только существенной частью профессии, но и страстью, качеством своей натуры. Вот как Геннадий Вохминцев, друг известного буровика Евгения Леонидова, рассказывает о начале профессионального пути своего товарища: «Женька мне сказал, что когда на буровую шёл, аж дрожал! <...> Наблюдал, как и что делают взрослые, более опытные буровики. На чём время сокращают. Мотал себе на ус. Запоминал. Думал над тем, где ещё заложены варианты сокращения этих самых минут, секунд» [6, 107].

Примечательно, что и в обычной жизни, в ситуациях, не связанных с работой, Леонидов показан человеком, у которого счёт времени идёт на секунды. Его жизнь движется в очень высоком темпе. Автор часто подчёркивает, что его мысли, слова, поступки внезапны, резки, быстры, а потому часто неожиданы для стороннего наблюдателя. Бурная деятельность, стремительное движение жизненно необходимы ему, а потому временное замедление, обездвиженность после тяжёлой травмы в результате нападения для него подобны смерти. Ускоренный, напряжённый ритм ощущается героями и автором не как суета, а именно как полнота жизни, посвящённой важной общественной цели.

Структура художественного времени в романе «Последняя четверть» имеет сложную организацию. Автор прибегает к моделям как линейного, так и нелинейного хода времени.

Нелинейность художественного времени связана с изображением судеб героев романа. Сюжетные линии Риты Васильевой и Насти Яновской развиваются параллельно, в некоторых эпизодах пересекаясь и вновь расходясь. Время в романе многомерно, разнонаправленно, обратимо.

Темпоральная организация романа строится на соотнесении прошлого, настоящего и будущего

в судьбах героев. Благодаря приёмам ретроспекции и проспекции осуществляются нарушения на оси времени, что способствует усилению динамики сюжета, активизации читательского восприятия. Время забегают вперёд и возвращается назад, фокус внимания писателя свободно перемещается, сменяя настоящее прошлым или будущим. Так, вторая книга романа начинается со случайной встречи Риты и Марины – в прошлом соперницы молодой журналистки. Это нечаянное новое пересечение их жизненных путей выводит героиню из душевного равновесия и запускает в её сознании целую цепь воспоминаний. Преодолевая не только расстояние (встреча происходит в аэропорту, и вскоре самолёт Риты взмывает в небо), но и время, девушка оказывается во власти воспоминаний.

Мотив воспоминаний позволяет вычленить ключевые события в жизни героев, которые оказали значительное влияние на формирование их личностей. Этот мотив подсвечивает динамику характера героев и в то же время устойчивость системы их жизненных ценностей и установок. Также он организует кольцевую композицию всей книги, которая начинается и завершается обращением памяти Риты к истории её отношений с Алексеем Серебряковым.

Почти вся первая часть второй книги (семь глав из десяти) посвящены рассказу о событиях, которые уже произошли к моменту начала повествования и упомянутого эпизода. Сначала приём ретроспекции призван связать сюжетные линии первой и второй книг, освежить в памяти читателя ключевые события, поскольку между их публикацией прошло 9 лет. Далее автор продолжает нанизывать на цепочку событий эпизоды, новые для читателя, но уже произошедшие в жизни героини. Прошлое в романе теряет свои привычные свойства: оно не предстаёт застывшим и утвердившимся, события во всей полноте жизни разворачиваются перед читателем, как бы происходя здесь и сейчас.

Модус времени «прошлое» в романе амбивалентен: прошлое причиняет героине сильнейшую боль, пришедшую вместе с осознанием совершенных ошибок, ощущением потери, опоздания, сравнивается с ожогом [6, 493]. Мотив прошлого в романе нередко связан с образами снега, холода, зимы. Задача этих образов – обозначить метафорический переход героев от прошлого к настоящему, к непосредственному его проживанию, к тому, чтобы прервать нити воспоминаний, беспрестанно уводящих внимание

героев к прошедшим событиям. «Снежинки уже не заглядывали в окно. Они равнодушно проплывали мимо. Им не было дела до двух сидящих в машине чужих людей. До их переживаний по поводу несостоявшегося счастья, до разделившего их Судьбы времени, которое ни вернуть, ни поправить нельзя. Снег заваливал их прошлое под мягкое одеяло неизбежной зимы» [6, 493]¹. Этот переход из прошлого в настоящее травматичен для героев, приносит боль, но он неизбежен и является неременным условием, чтобы продолжалась жизнь, и герои постепенно смиряются с этим.

Вместе с тем прошлое воспринимается как ценность, как нечто сакральное. Эпиграфом к первой части второй книги романа стала цитата из стихотворения сургутского поэта В. С. Матвеева:

Перед грядущим встану на колени,
Но Прошлому, как Солнцу, помолюсь! [6, 3]

Сакральное отношение к прошлому проявляется и в написании этого слова с заглавной буквы, что неоднократно встречается на страницах романа.

Сакральным, таинственным, порой пугающим, изображается в романе и будущее. Показательно, что само это слово в тексте также неоднократно пишется с заглавной буквы. Если прошлое в романе ассоциируется со снегом и холодом, то будущее предстаёт родственным обновляющей стихии ветра: «Теперь надо чаще, надо как можно чаще подставлять лицо ветрам, дующим из неведомого завтрашнего времени. Продолжение жизни – там» [6, 493].

Одним из способов заглянуть в это будущее, получить предзнаменование является в романе мотив сна. Этот мотив возникает на страницах «Последней четверти» нечасто и совпадает с наиболее напряжёнными моментами сюжета. Так, пророческим становится сон Риты накануне нападения на её мужа, Евгения Леонидова. Этот сон приоткрывает перед ней мистическую завесу, готовя героиню к серьёзным жизненным испытаниям, указывая на их предопределённость.

Приём проспекции – ещё один способ смещения на оси времени и переноса событий будущего в настоящее, но на этот раз на уровне не героя, а читателя, – используется автором достаточно редко. Его основная функция –

наметить линии перспективы сюжета при переходе от одной части романа к другой. Так, в эпилоге первой книги романа читаем: «На этом история Риты Васильевой не заканчивается. Ей суждено пройти ещё немало трудных журналистских дорог, повстречаться со многими интересными, порядочными и не очень людьми. Пережить крутое и болезненное время перемен» [5, 392].

Линейная темпоральная модель воплощена в «Последней четверти» в социально-исторической форме времени и связана с образом эпохи, с развитием общества, технологий, с поступательным движением истории. Художественное время в романе открыто, вписано в историческое. Образ эпохи незримо присутствует в тексте романа, и герои являются порождением своего времени, которое оказывает значительное влияние на их нравственно-психологический облик. Лик времени в романе Е. С. Логиновой получает географическую, экономическую, социально-политическую, бытовую конкретизацию. Анализ примет времени, бытовых деталей, нашедших воплощение в художественном тексте, приобретает при рассмотрении регионального произведения особую актуальность, поскольку формирует его историко-литературный контекст [2, 120].

Важнейшей из авторских задач в романе становится изображение эпохи конца XX века. Безусловно, основное внимание писателя обращено к экономическим и социальным процессам, происходившим на территории Югры. Е. С. Логинова систематически методично отмечает успехи и достижения людей в северных городах в строительстве, промышленности, добыче нефти и газа, нанизывая на локальном участке текста целую цепочку примет времени, следов эпохи: «Готовился к пуску очередной блок ГРЭС; строители железной дороги сдали ещё один участок магистрали в сторону Нижневартовска; трубостроители протягивали по дну Оби дюкер шестой нитки газопровода...» [6, 48]. Такая информационно-событийная насыщенность создаёт ощущение стремительного движения времени, ускоряет ритм повествования.

Время на страницах романа поступательно движется вперёд, развивается промышленность, разрастаются северные города, меняются к лучшему условия жизни людей. Как отмечает

¹ Мотив снежной завесы, снежной стены подхватывается прологом третьей книги романа. Она открывается упоминанием этой же встречи Риты и Серебрякова, но уже данной в восприятии Алексея. И вновь снег разделяет для героев три части времени, три эпохи – прошлое, настоящее и будущее: «Снег валил и валил, засыпая прошлое и настоящее. Словно спешил разделить их от будущего...» [7, 6].

профессор Д. В. Ларкович, настоящее в данном контексте в произведениях югорских авторов – носителей социального типа сознания воспринимается как время перемен. «Перемены <...> квалифицируются <...> как созидание нового мира. <...> Прошлое, настоящее и будущее воспринимаются как необходимые этапы поступательного движения человеческой истории» [3, 48].

Время, течение жизни представлено в романе всевластным и созидующим. Оно не делает различий между глобальным и малым, события эпохального масштаба соотносятся с мгновениями жизни героев, увязывая их в единую цепь: «Жизнь между тем текла своим чередом. В разных пределах по-разному. Подчиняя своему нервному ритму гигантское и малое, обозримое всеми и вся и абсолютно никем не отмеченную искорку торжества, вдруг блеснувшую в распахнутых глазах юной журналистки» [6, 280]. Этот подход к изображению времени, сопрягающий большое и малое, историческое и личное, прослеживается и в частных авторских замечаниях, и в композиции отдельных глав, и в архитектонике всей романной трилогии в целом.

Внимание автора сосредоточено преимущественно на изображении перемен в жизни региона, но ими не ограничивается. В ряде эпизодов образ эпохи расширяется, за счёт чего становится более многогранным и цельным, передающим «поступь истории». В некоторых случаях о социальных явлениях, ставших знаками времени, размышляет сам автор, присоединяя свой голос к хору современников, становясь носителем и выразителем общественного сознания: «Началась перестройка... Слово это стало своеобразным паролем, точнее, неким символом в сознании миллионов людей, живших в СССР в середине восьмидесятых годов. Она вихрем налетела на устоявшиеся идеалы, заставила пересмотреть многие вопросы, которые раньше выпадали из нашего поля зрения, пристальнее взглянуть в самих себя, в свою работу» [6, 375–376].

Однако преимущественно как обрисовка событий местного масштаба, так и изменения в жизни всей страны даны в романе в восприятии героев. Чаще других субъектом восприятия времени выступает на страницах «Последней четверти» начинающая журналистка Настя Яновская. Поездка Насти в командировку в столицу позволяет автору сделать героиню свидетельницей более масштабных исторических событий и осмыслить их: «Крутая эпоха ожидаемых перемен началась. <...> Органы КГБ и прокуратуры тут же принялись за энергич-

ное влияние на “подпольных миллионеров” на Северном Кавказе, в Закавказье и Средней Азии, которые во времена Брежнева, оказывается, действовали почти легально. Это “открытие” буквально обескуражило все ещё пребывающую в состоянии повышенной чувствительности и эйфории Настю» [6, 325–326].

В ещё одной части романа Настя отправляется в Германию в гости к своим родителям, и её наблюдения за бытом немцев, а также доступ к европейским радиопередачам заставляют девушку по-иному взглянуть на жизнь в Советском Союзе, на происходящие в стране события, которые были неведомы большинству её соотечественников.

Потрясение Насти от увиденного и услышанного в Германии, от погружения в реалии исторического прошлого приводит к сильнейшему личностному кризису, буквально телесному проживанию (через болезнь) всех психологических и мировоззренческих трансформаций. Итогом этой поездки стало разрушение романтических иллюзий, во власти которых находилась молодая журналистка, потребность смотреть на окружающую действительность шире и глубже, задавать неудобные порой вопросы.

Домой Настя возвращается надломленной, с выгоревшей душой, и лишь постепенно она возвращается к привычной жизни и возрождается. Она предстаёт уже не той наивной девушкой. Пройдя психологическую инициацию, Яновская растёт и личностно, и профессионально, обретая более глубокий, обстоятельный, критичный взгляд на происходящие в стране события и своё место в них: «Советский строй куда-то заваливался. Мозг разрывали вопросы: что мы пытаемся построить, перестраиваясь и... ускоряясь? Какой-то гибрид высоких идей и невразумительных поступков получается. Яновская не понимала ни себя, ни происходящее. В душе нарастала тревога. Что-то дальше будет?.. Но одно выкристаллизовалось в её сознании совершенно отчётливо: вместе со всеми, обживающими последнюю четверть этого века, она переступила через грань, за которой уже никогда не быть вчерашней» [6, 416]. Эти эпизоды, выводы, к которым приходит Настя Яновская, безусловно, добавляют и новые штрихи к образу эпохи конца XX века в романе в целом.

В конце второй книги романа Настя показана не только умеющей видеть латентные связи между происходящими в стране и регионе событиями, делать глубокие выводы из собственных наблюдений. Она обретает способность тонко

чувствовать ход времени, его движение, слышать, по выражению самой героини, его «дыхание»:

«– Давайте послушаем, как дышит время.

– Что делает время? – не понял Василий Данилович.

– Дышит, – произнесла тихо, но уверенно.

Какие мысли роились в этой хорошенькой головке в тот момент, Дмитриев даже предположить не мог.

– Это как? – попытался получить объяснение.

– Помолчим.

Тишину нарушало только тиканье часов, отсчитывающих секунды на циферблате.

– Оно не дышит, оно – тикает, – заметил после небольшой паузы.

– Оно так «дышит». Очень ровно, спокойно. И тихо. Незаметно, как дыхание. Его звук вселяет уверенность...

– Во что? – любопытствовал на всякий случай. В философию после весёлых рассказов вдаваться не хотелось.

– В бесконечность.

– Но часы могут остановиться! По причине разрядившейся батарейки, к примеру. Они могут сломаться от старости. В конце концов, их можно просто заставить замолчать!

– Часы – да. Можно заставить. А Время не остановить. Оно будет продолжать «дышать». И его дыхание никто не в состоянии ни остановить, ни нарушить, ни повернуть...

– Ну, ты философ! – удивился редактор и очень пристально посмотрел на Настю. Что с ней происходит? Не понимал» [6, 444–445].

Этот диалог представляется важным для понимания авторской позиции по отношению к героям и трактовки нравственной состоятельности человека. Способность видеть глубинную суть действительности, а не только реагировать на внешние события, постичь её бытийную основу за бытовой оболочкой становится для Е. С. Логиновой важным показателем человеческой сущности героя. Именно поэтому на шкале близости к авторскому идеалу юная и неискушённая, но честная, без «двойного дна» Настя Яновская находится значительно выше, чем её возлюбленный, уверенный в себе, умудрённый опытом, уважаемый в кругу коллег, профессионально компетентный и талантливый, но зачастую поверхностный, не готовый к глубоким чувствам и крепкой искренней привязанности, а потому ненадёжный и способный на предательство.

В связи с образом Насти Яновской наиболее развёрнуто предстаёт в романе перцептуальная,

субъективная составляющая художественного времени. Благодаря участию субъектов восприятия социально-исторического процесса автор добился отражения в «Последней четверти» самого хода времени, его поступательного движения, становления и развития. Как отмечал М. М. Бахтин, «где нет хода времени, там нет и момента времени в полном и существенном значении этого слова. Современность, взятая вне своего отношения к прошлому и будущему, утрачивает своё единство, рассыпается на единичные явления и вещи, становится абстрактным конгломератом их» [1, 181]. Е. С. Логиновой удалось запечатлеть прошлое, настоящее и будущее своих героев в контексте эпохи в естественной взаимообусловленности.

Наряду с линейной темпоральной моделью, воплощённой в социально-исторической форме времени, в «Последней четверти» представлена и циклическая модель. Календарная и суточная формы времени, репрезентирующие его природную и бытовую цикличность, наделены в тексте Е. С. Логиновой рядом специфических черт.

Календарное время – указание на времена года и названия месяцев, – в первую очередь, призвано структурировать событийный ряд романа. Но темпоральные категории этого типа обладают также ассоциативными, метафорическими и символическими смыслами. Причём смыслы эти могут быть как продиктованными литературной и культурной традицией, так и не совпадать с ней, отражая индивидуально-авторское или персонажное восприятие того или иного времени года или месяца. Так, например, образ весны традиционно связан с мотивами возрождения, оживления, любви, пробуждения от сна природы и – в метафорическом смысле – человека. В романе Е. С. Логиновой довольно часто он выступает именно в таком контексте. Весной возобновляются отношения между Настей и Дмитриевым, возлюбленные будто заново открывают друг друга, учатся взаимному доверию, а сама Яновская постепенно возрождается, восстанавливается после глубокого психологического кризиса [6, 453], с порой весны сравнивает свои ощущения влюблённости Рита Васильева [6, 5].

Но образ весны может восприниматься в тексте Е. С. Логиновой и вне традиционного ассоциативного ряда. Обратимся к фрагменту, иллюстрирующему восприятие этого времени Василием Даниловичем в тот период, когда он осознает свою вину перед Настей, понимает всю глубину её страданий, опасается за её жизнь и

здоровье. «В наступившей тишине стала слышна капель. Подтаявший на мартовском солнце снег, превратившись в капель, лениво шлёпался о деревянные тротуары, издавая унылые беспорядочные звуки.

Ни радости, ни грусти этот новый “инструмент” весеннего музыкального оркестра не вызывал. Просто к редкому шуршанию шин об асфальт добавилась робкая дробь падающей с крыш воды...

– Весна... – нарушив молчание, проговорила Ключкова.

– Да... – поддержал её оптимизм Дмитриев.

– А весна – это радость. И надежда. На лучшее. Будем и мы надеяться, Василий Данилович» [6, 448]. В данном случае весна не ассоциируется у Дмитриева с возрождением, не приносит ему радости, обновления. Короткая весенняя пейзажная зарисовка окрашена пессимистичным и тревожным состоянием героя. Традиционный радостный весенний оркестр звонкой капели и весёлых птичьих голосов превращается в его восприятии в «унылые беспорядочные звуки». Ёмкость и выразительность образа весны, его психологическая мотивировка формируются в данном эпизоде не только на лексическом, но и на фонетическом уровнях, в частности, при помощи звукописи, обилия шипящих и глухих согласных. Звукопись участвует и в создании художественного образа, и в обрисовке душевного состояния персонажа.

Но Ключкова – лечащий врач Насти – напоминает ему о возможности и необходимости надежды, призывает к ней. И надежда героев оправдывается. Таким образом, календарные темпоральные категории, оставаясь по существу фабульными и указывая на временной период, в который разворачиваются события романа, выполняют символическую и психологическую функции, участвуя в раскрытии внутреннего мира персонажей, а также сигнализируя о дальнейшей динамике сюжета.

Ещё одной важной особенностью календарного времени в романе является его региональный смысловой контекст. Указывая на то или иное время года или месяц, автор напоминает, что такое зима или осень, август или ноябрь именно здесь, в северном крае: «Август был отвратительным. <...> Дождь полоскал землю, словно пыльную тряпку, отмывая её в бесконечных ливнях. Лишь изредка пропускал солнечные лучи сквозь толстый слой туч, чтобы убедиться – чисто ли вымыты деревянные тротуары, хватило ли силы сбить грязь с машин и крыш домов, удалось ли

напомнить людям, за что они получают северные надбавки» [6, 180]. Так календарное время дополняет художественный образ Югры, раскрывая на страницах романа географический миф об этой территории, предполагающий её трактовку как «края земли» [10, 135], затерянного необжитого пространства с суровым неблагоприятным климатом [11, 199–200].

Нередки в тексте ситуации, когда календарные темпоральные категории вырастают до развёрнутых художественных образов, которые носят антропоморфный характер. Время года или месяц могут обретать у Е. С. Логиновой свою внешность, возраст, гендерную принадлежность, свой нрав и настроение. Например, осень предстаёт в романе капризной, завистливой и мстительной «климактерической женщиной» [6, 180], а апрель – месяцем, у которого женский «характерец», «такой же сумасбродный, неуравновешенный, требовательный» [6, 452]. В целом эти образы достаточно традиционны и по способу создания (олицетворения, психологический параллелизм нередко при изображении природных образов как в фольклоре, так и в литературе), и по ассоциативному ряду, с ними связанному (осень – слёзы, грусть; лето – весёлость, полнота жизни; весна – надежды и ожидания). Однако благодаря оригинальным деталям, необычным сравнениям, ироничной манере письма, они представляют собой своеобразные элементы авторского стиля.

Отдельного внимания заслуживает темпоральная категория «Новый год», играющая важную роль в построении сюжетной линии Риты Васильевой и Евгения Леонидова. В мифологии и культуре разных народов эта точка в природном и социальном цикле наделялась различными символическими смыслами. Наступление нового года воспринималось как момент всеобщего обновления, было связано с ожиданием лучшего, жаждой чуда, исполнением желаний. Вместе с тем в символике Нового года находил отражение и страх человека перед приближением неотвратимой смерти. Считалось, что в новогоднюю ночь стирается граница между миром явным и иным. Амбивалентна семантика этой темпоральной единицы и в романе «Последняя четверть». С одной стороны, героям свойственно радостное ожидание этого праздника, особое к нему отношение – по-детски тёплое, с надеждой на волшебство, или умозрительно-философское. В романе дважды показано, как молодая семья готовится встретить этот праздник вместе,

переданы их ожидания в связи с этим особенным днём. Название одной из глав, повествующей об этих событиях, – «Злая сказка Нового года» – предупреждает читателя о том, что события будут развиваться не так, как ожидается. Показательно, что именно в новогоднюю ночь с Ритой и Евгением случаются самые серьёзные жизненные потрясения: в первый раз разволновавшаяся после ссоры с отцом Рита попадает в больницу с угрозой выкидыша, во второй – Евгений без объяснений пропадает, и его избитого, едва живого находят замерзающим в сугробе у дороги. Обе эти ситуации разделяют жизнь Риты и Евгения на «до» и «после», обе значительно трансформируют и их самих, и отношения между ними. То самое ожидаемое обновление – причём на очень глубоком уровне – происходит, но через боль и страдания. Оба героя буквально оказываются на границе между мирами, между жизнью и смертью. И оба раза жизнь одерживает верх в этом столкновении, Рита и Евгений выходят из этих пограничных ситуаций внутренне переродившимися.

Суточное циклическое время также включено в систему темпоральных категорий романа. Чаще всего оно призвано структурировать сюжетный ряд текста, указывая на время развития событий.

В некоторых случаях суточное время отражает региональную специфику природы Югры. Таково, например, описание белых ночей и их восприятия Василием Дмитриевым, который недавно приехал в северный край: «Ночной свет вызывал смутное возбуждение. Было непонятно: то ли солнце заблудилось, перепутав запад с востоком, то ли темнота опустилась так глубоко в земные недра, что ей тяжело стало каждый день подниматься и закрывать небо от светила. Это естественное для северян явление не давало покоя» [6, 113].

Нередки в романе и эпизоды, когда единицы суточного времени наделяются символическими смыслами. В целом система ассоциаций, которая закрепляется за тем или иным образом суточного времени, соотносится с культурной традицией. Покажем этот аспект на примере темпоральной единицы «ночь». Наступление ночи в «Последней четверти» часто оказывается временем любви, нежности, страсти. Такие эпизоды отмечены тонкими наблюдениями автора за деталями изменений в мире природы и развитием отношений влюблённых, украшены выразительными эпитетами, сравнениями, метафорами.

Вместе с тем ночь показана в романе и как время опасное и враждебное человеку. В качестве

примера можно привести эпизоды страшной ночной автодорожной аварии, свидетельницей которой становится Рита Васильева, или поисков пропавшего Евгения Леонидова.

Интересно, что на семантику темпоральной категории «ночь» в романе оказывает влияние и календарное время. Тёплая весенняя или летняя ночь обладает положительной коннотацией. Холодная зимняя или осенняя ночь – представлена в негативном ключе.

Обсуждение и заключения

Таким образом, категория художественного времени в романной трилогии Е. С. Логиновой «Последняя четверть» репрезентирована многокомпонентной системой устойчивых ассоциаций, закреплённых за темпоральными единицами календарного, суточного, социально-исторического, бытового типов.

Временная структура романа имеет сложную организацию. Она включает разные модели времени (линейную, нелинейную, циклическую), каждая из которых выполняет свою художественную задачу в тексте: структурирование событийного ряда, построение ключевых сюжетных линий, мотивировка поступков персонажей и раскрытие их внутреннего мира, создание образа эпохи. Использование приёмов ретроспекции и проспекции позволяет усилить динамику сюжета, активизировать читательское восприятие. Мотивы сна, воспоминаний способствуют созданию нарушений на темпоральной оси романа, придавая художественному времени психологическую напряжённость и концентрированность.

Анализ категории художественного времени становится инструментом постижения авторской картины мира. Он демонстрирует, что жизнь воспринимается писателем и его ключевыми героями как поступательный процесс, в котором внутреннее становление личности происходит в единстве и взаимной соотнесённости с движением истории, частные события сопрягаются с эпохальными и становятся звеньями единой цепи. Человек показан в романной трилогии Е. С. Логиновой «продуктом» своей эпохи и одновременно её создателем, творческим преобразователем времени и пространства. Способность чувствовать время, ценить его, подвергать его глубокому анализу и оценке становится для героев «Последней четверти» и самого автора одним из важнейших критериев интеллектуальной, психологической и нравственной состоятельности личности.

Список источников и литературы

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе* // Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Худож. лит., 1975. С. 121–290.
2. Гальян С. В., Ларкович Д. В., Сироткина Т. А. *Литературное краеведение: филологический анализ регионального (югорского) текста: Учеб. пособие для студентов*. Тюмень: Аксиома, 2018. 167 с.
3. Ларкович Д. В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // *Вестник угроведения*. 2019. Т. 9. № 1. С. 40–52.
4. Лихачев Д. С. *Поэтика древнерусской литературы*. М.: Наука, 1979. 360 с.
5. Логинова Е. С. *Последняя четверть*. М.: Луч, 2006. 397 с.
6. Логинова Е. С. *Последняя четверть II*. Тула: Аквариус, 2015. 495 с.
7. Логинова Е. С. *Последняя четверть III*. Сургут: Печатный мир г. Сургут, 2022. 555 с.
8. *Поэты и прозаики Сургута. Логинова-Матвеева Екатерина Степановна*. URL: <https://slib.ru/kraevedenie/surgut-literaturnyj#loginova-matveeva-ekaterina-stepanovna> (дата обращения: 28.04.2023).
9. Семёнов А. Н. *Художественное пространство и художественное время* // *Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2020. № 1. С. 103–120.
10. Сироткина Т. А. *Югорский текст как объект филологического анализа* // *Вестник ПГГПУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2022. № 1. С. 130–136.
11. Усанова И. А. *Югорский топос в романе Е. С. Логиновой «Последняя четверть»* // *Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления: Сб. ст. II Международ. науч. конф. / отв. ред. Т. Ю. Колягина*. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2021. С. 197–206.
12. Gale R. *The Language of Time*. London: Humanities P, 1968. 248 p.
13. Holquist M. *Dialogism. Bakhtin and his world*. London: Routledge, 1990. 204 p.
14. Meyerhoff Hans. *Time in Literature*. Los Angeles: University of California Press, 1960. 160 p.
15. Oaklander L. N. *Temporal Relations and Temporal Becoming*. Lanham: University Press of America, 1984. 238 p.
16. Ricoer P. *Time and Narrative. 3 Vol. Vol. 2*. Chicago: Un. of Chicago Press, 1990. 216 p.

References

1. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in a novel]. *Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki* [Bakhtin M. M. Issues of Literature and Aesthetics]. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1975. Pp. 121–290. (In Russian)
2. Galyan S. V., Larkovich D. V., Sirotkina T. A. *Literaturnoe kraevedenie: filologicheskij analiz regional'nogo (jugorskogo) teksta: Ucheb. posobie dlya studentov* [Literary local history: philological analysis of the regional (Yugra) text: Textbook for students]. Tyumen: Aksioma Publ., 2018. 167 p. (In Russian)
3. Larkovich D. V. “*Jugorskij tekst*” *kak literaturnaja real'nost': k postanovke problemy* [“Yugra text” as a literary reality: to the problem statement]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (1), pp. 40–52. (In Russian)
4. Likhachyov D. S. *Pojetika drevnerusskoj literatury* [Poetics of Old Russian literature]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 360 p. (In Russian)
5. Loginova E. S. *Poslednjaja chetvert'* [The Last Quarter]. Moscow: Luch Publ., 2006. 397 p. (In Russian)
6. Loginova E. S. *Poslednjaja chetvert' II* [The Last Quarter II]. Tula: Akvarius Publ., 2015. 495 p. (In Russian)
7. Loginova E. S. *Poslednjaja chetvert' III* [The Last Quarter III]. Surgut: Pечатnyj mir g. Surgut Publ., 2022. 555 p. (In Russian)
8. *Pojety i prozaiki Surguta. Loginova-Matveeva Ekaterina Stepanovna* [Poets and prose writers of Surgut. Loginova-Matveeva Ekaterina Stepanovna]. Available at: <https://slib.ru/kraevedenie/surgut-literaturnyj#loginova-matveeva-ekaterina-stepanovna> (accessed April 28, 2023). (In Russian)
9. Semyonov A. N. *Hudozhestvennoe prostranstvo i hudozhestvennoe vremya* [Art space and art time]. *Filologicheskij vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2020, no. 1, pp. 103–120. (In Russian)
10. Sirotkina T. A. *Jugorskij tekst kak ob'ekt filologicheskogo analiza* [Yugra text as an object of philological analysis]. *Vestnik PGGPU. Serija: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series: Humanities and Social Sciences], 2022, no. 1, pp. 130–136. (In Russian)
11. Usanova I. A. *Jugorskij topos v romane E. S. Loginovoj “Poslednjaja chetvert'”* [Yugra topos in the novel by E. S. Loginova “The Last Quarter”]. *Sovremennaya regionalistika: tradicionnye podhody i novye napravleniya: Sb. st. II Mezhdunarod. nauch. konf.* [Modern Regional Studies: traditional approaches and new directions: Collection of articles of the II International Scientific Conference]. Ed. by T. Y. Kolyagina. Surgut: Surgutskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 2021. Pp. 197–206. (In Russian)
12. Gale R. *The Language of Time*. London: Humanities P, 1968. 248 p. (In English)
13. Holquist M. *Dialogism. Bakhtin and his world*. London: Routledge, 1990. 204 p. (In English)
14. Meyerhoff Hans. *Time in Literature*. Los Angeles: University of California Press, 1960. 160 p. (In English)
15. Oaklander L. N. *Temporal Relations and Temporal Becoming*. Lanham: University Press of America, 1984. 238 p. (In English)
16. Ricoer P. *Time and Narrative. 3 Vol. Chicago: Un. of Chicago Press, 1990. Vol. 2. 216 p. (In English)*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Усанова Ирина Алексеевна, доцент кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (628417, Россия, ХМАО-Югра, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2), кандидат филологических наук.

Flos-costus@yandex.ru

ORCID 0009-0007-3561-0457

ABOUT THE AUTHOR

Usanova Irina Alekseevna, Associate Professor, Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University (628417, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Surgut, 50 let VLKSM Str., 10/2), Candidate of Philological Sciences.

Flos-costus@yandex.ru

ORCID 0009-0007-3561-0457